

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-270-288

Кямаля Умудова

**Творчество Достоевского в современном Азербайджане
Педагогические чтения в Баку**

Kjamalya Umudova

**Dostoevsky's Works in Modern Azerbaijan
Pedagogical Readings in Baku**

Об авторе: Кямаля Айдын гызы Умудова, кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет, Баку (Азербайджан).

E-mail: Umudova_kyamalya@mail.ru

Для цитирования: Умудова К.А. Творчество Достоевского в современном Азербайджане. Педагогические чтения в Баку // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2(6). С. 270–288.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-270-288

About the author: Kjamalya A. Umudova, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan).

E-mail: Umudova_kyamalya@mail.ru

For citation: Umudova K.A. Dostoevsky's Works in Modern Azerbaijan. Pedagogical Readings in Baku. *Dostoevsky and World Culture*, 2019, No 2(6), pp. 270–288.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-270-288

20 ноября 2018 года в Бакинском Славянском Университете в г. Баку (Азербайджан) состоялись Педагогические чтения под названием «Творчество Достоевского в современном Азербайджане». Проводились они по инициативе Представительства Россотрудничества и Ассоциации преподавателей русскоязычных учебных заведений в Азербайджане с участием преподавателей и докторантов

кафедры Истории русской литературы БСУ во главе с проф. Мамедом Годжаевичем Годжаевым. С именем М. Г. Годжаева связано развитие достоевистики в нашей стране. Он первым защитил докторскую диссертацию по проблемам творчества Достоевского («Концепция характера в творчестве Ф.М. Достоевского (1846-1872)», 1990), проявил личную инициативу для начала процесса перевода произведений писателя, а также книг о нем на азербайджанский язык. В его переводе научная библиотека литературоведов и читателей в Азербайджане пополнилась такими ценными изданиями, как «Dostoyevski poetikasının problemləri» («Проблемы поэтики Достоевского» М. Бахтина), «Dostoyevski ətrafında düşüncələr» («Размышления вокруг Достоевского», 2012) – это его же монография «Характеры и идеи Ф.М. Достоевского» (2007), адаптированная для широкого круга азербайджанских читателей. Переводы романов «Бесы», «Подросток», «Записок из подполья», разных статей из «Дневника писателя» и целого ряда других произведений писателя, выполненные М.Г. Годжаевым, были переданы мною в библиотеку Литературно-Мемориального Музея в Петербурге.

Представленные на Чтениях доклады и выступления отражали самые разные стороны научного интереса и подхода к творчеству писателя. Рабочими языками были русский и азербайджанский. Наряду с докладами и выступлениями участников, в программу был включен показ фильма Андрея Танцырева «Свое гнездо» Достоевского», снятого в доме-музее писателя в Старой Руссе в 2014 году. Удалось организовать и небольшую выставку книг-новинок по Достоевскому. Среди выставленных книг были труды Т.А. Касаткиной, Б.Н. Тихомирова, альбомы и буклеты, предоставленные в качестве подарка директором Музея в Петербурге Н.Т. Ашимбаевой во время нашей встречи с ней в 2016 году, все переводы и книги азербайджанских авторов по творчеству Достоевского за последние десятилетия. На основе альбома «Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике», изданного в 2011 году в Санкт-Петербурге, было подготовлено и продемонстрировано слайд-шоу, в котором были воспроизведены все иллюстрации по роману «Идиот»; особо были отмечены работы бакинского художника В. Хрулова, вошедшие в издание романа на азербайджанском языке, выпущенного бакинским издательством «Язычи» в 1976 году. На большом экране проектора периодически появлялись названия докладов, портреты писателя на фотографических снимках и в изображениях разных

художников. Рядом с экраном на высоком мольберте как напоминание о «минуте творчества Достоевского» (А.Г. Достоевская) решили поставить репродукцию «мучительно прекрасной» (Б.В. Асафьев) картины В.Г. Перова. Подтекст был таков: откройте, пишите своего Достоевского, дорисуйте или рисуйте его образ сначала.

С вступительным словом к участникам форума обратился ректор по науке БСУ, д.ф.н., проф. Р.М. Новрузов. Он рассказал об отличительных чертах русской литературы, определяющих ее особое место в мировой литературе. Для русской классической литературы характерны такие понятия, как всемирная отзывчивость, совестливость, исповедальность, религиозность. Эти начала позволили русской литературе не только вписаться в мировую литературу, но и возглавлять ее в течение столетий. Именно духовный запал, поиск правды о человеке, глубокий психологизм произведений русских классиков позволяют преодолевать все временные и пространственные барьеры и объединить читателей на разных континентах вокруг имен Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова. У русской литературы много приверженцев за пределами России. Не исключением является и Азербайджан, отметил далее проф. Р.М. Новрузов. Мы собрались поговорить о Достоевском в день смерти Толстого, так совпало случайно. Но случайностей не бывает, если речь идет о таких титанах мысли, как Достоевский и Толстой. Это знаковое совпадение. И оно связано с тем, что их творчество представляет собой синтез глубоких истин о великом Божьем промысле, о воскресении и утверждении души.

Далее к участникам форума обратилась председатель Ассоциации преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана Л.Т. Якунина. Разговор о Достоевском у нас только начинается, отметила она. Накануне двухсотлетия со дня рождения писателя мы намерены провести цикл мероприятий на самых различных площадках, в школах и университетах. Она отметила знаменательность всевозрастающего интереса к творчеству писателя, слово которого сегодня получает новое звучание и смысл, открывает новые грани постижения человеком собственных пределов и границ нашего отношения к миру. Е.К. Шишкалова, главный специалист Российского информационно-культурного центра в Баку, предложила сделать регулярным проведение подобных форумов, а также отметила целесообразность мастер-классов и открытых лекций для педагогов, школьников и студентов-филологов.

Первым среди докладчиков выступил профессор, заведующий кафедрой Истории русской литературы БСУ М.Г. Годжаев. Его доклад «Шпенглер о Достоевском и Толстом» был посвящен оценке творчества Достоевского и Толстого Освальдом Шпенглером в его известном труде «Закат Европы». Доклад содержал в себе выявление основных параметров, определяющих сходства и различия идейно-художественных принципов Достоевского и Толстого. Внимание в докладе было сконцентрировано на явлении псевдоморфоza, властного вторжения западного начала в жизнь русского народа, на его последствиях в русской культуре и отражении в мировоззрении и в творчестве Достоевского и Толстого.

Русский народ, по мнению Шпенглера, не успел создать своей религии и своей культуры. Этот процесс был прерван на целых триста лет реформами Петра I: в России послепетровской эпохи русская национальная душа как бы распалась на две части. Шпенглер говорил об извращении исторической тенденции народной массы, в которой жил инстинкт отмежевывания «матушки России» от «Европы». О русских, вот уже триста лет отученных от дела, писал Достоевский, имея в виду это же явление псевдоморфоza, задолго до немецкого философа. Толстой и Достоевский, с точки зрения Шпенглера, являются борцами против псевдоморфоza. Первый – сторонник и выразитель души дворянства, ценностей европейской цивилизации, а второй – крестьянства, национальной духовности. Второй «никогда не мог, – писал Шпенглер, – внутренне освободиться от земли», хотя большую часть жизни провел в Петербурге, первый, «несмотря на свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел» [Шпенглер, 2010, с. 653], хотя жил в деревне с мужиками.

В докладе М.Г. Годжаева вся антитеза «Толстой и Достоевский» была построена на ключевых доводах Шпенглера, на острых углах дискурса «аристократ» – «крестьянин». Мироощущение Достоевского Шпенглер называет «апокалиптическим» и описывает в тех же понятиях и категориях, как и Иисуса Христа. Нереальный мир у Достоевского оказывается более понятным, ощутимым, искомым и объяснимым, чем реальный мир. Достоевский не мыслится у Шпенглера таким русским Христом, призванным создать новую религию, однако Достоевский – выразитель предвремени появления Христа и христианства, когда все вокруг сделалось иллюзией, выявив свою временность, и смертность, и ничтожность, когда обострились предчувствия и предсказания, как в «Сне смеш-

ного человека». Достоевский хочет предотвратить момент революции и социализма, хочет вернуть Европу к Христу и всеединству народов. Однако Шпенглер отрицает существование таких категорий, как человечество и мировая история. Для него существуют отдельные культуры, которые, развившись, в свою очередь, переходят в цивилизацию. В русском псевдоморфозе смешаны духовное озарение и духовная зрелость Достоевского и Толстого, как, соответственно, детство и зрелость национального духа. Исходя из этой мысли Шпенглера, М.Г. Годжаев старается определить место и значение Толстого и Достоевского в истории развития русской культуры: Толстой пребывает в псевдоморфозе и отсюда смотрит на русскую народную духовность; Достоевский же пребывает в самой этой духовности и проглядывает ее будущность.

По мнению Шпенглера, Достоевский как писатель находится вне традиций европейского художественного мышления, тогда как Толстой – вершина европейской литературы, «маэстро западного романа». Рассказывая о принципиальной разнице между творчеством этих писателей, как это представлено у Шпенглера, о различии мировоззренческих позиций, о «христианстве» Толстого и Достоевского, М.Г. Годжаев апеллировал к таким понятиям, как религиозная литература, божеская истина, апостол русского христианства, устремленность на исцеление душ, забота о душе, магическое мышление, прарусскость, народ, новая русская религия – по отношению к идейной направленности творчества Достоевского. Художественно-эстетическое творчество, общественно-этическая позиция, фаустовское мышление, личность, западные тенденции, ориентация на совершенствование личности и, в итоге, общества, коллективный путь к Богу – эти понятия характеризуют главные принципы, определяющие место Толстого в явлении русского метаморфоза, о котором писал Шпенглер.

Доклад д.ф.н., проф. И.Г. Гамидова назывался «Ф.М. Достоевский: феноменологическое толкование идеи красоты, которая призвана спасти мир (заметки лингвиста)». Ильяс Гамидуллаевич Гамидов является заведующим кафедрой современной русской грамматики БСУ, известным ученым в области исследования синтаксиса и лексики русского языка в постсоветском пространстве, автором многих книг, словарей и учебных пособий по лингвистике. Главное внимание автор доклада уделил вопросу определения характера пророческого слова в творчестве Достоевского с точ-

ки зрения функции глаголов, их адекватности временно-пространственным отношениям в романах Достоевского.

Слова, по мнению И. Гамидова, являются своего рода энергетической материей, существование которой возможно лишь в границах времени и пространства. Какой мир концептуализирован в слове Достоевского? Писатели такого полета мысли, как Достоевский, по словам ученого, конструируют, создают мир таким, каким они его представляют себе, в ипостаси, в своей первооснове. Фраза Тютчева «мысль изреченная есть ложь» отражает мистико-поэтическую основу мировосприятия Достоевского. Одним из сущностных констант Достоевского, который также естественно погружен в стихию слова, является его пророческий пессимизм. В его пророчестве чувствуется именно катастрофа, которую М. Волошин называет «катастрофой психологической». Это новое крещение человечества огнем «безумия», огнем св. Духа. Нынешнее человечество должно погибнуть в этом огне, и спасутся только те немногие, которые пройдут сквозь это безумие невредимыми – «чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» – вот эти слова с последней страницы романа «Преступление и наказание» передают, по словам И.Г. Гамидова, плоть и кровь той картины мира, которую сконструировал Достоевский в целом в своем творчестве.

Герои Достоевского живут в спрессованном времени и спрессованном пространстве. Писатель словно намеренно загоняет их в тиски такого проявления времени и пространства: «в тесной комнате и думать тесно» – пишет Достоевский, одной этой фразой (словом!) своеобразно конструируя нерасторжимое единство категорий времени и пространства в одно сущностное начало – «пространствовремя». Последнее становится конститутивным началом характерологических свойств поведения его героев: у них нет возможности размеренных философических рассуждений, их предложения состоят из одних сочетаний глагола с другим именным словом – нет «пространствавремени» для пространственных предложений. На одну страницу, например, романа «Братья Карамазовы» (см. материал сцены беседы Мити Карамазова со следователем, который «не понимает» подозреваемого и задает «глупые» вопросы) приходится 160-180 глаголов-сказуемых, представляющих отмеченные выше лаконично-редуцированные и неполные предложения. Глагол-сказуемое служит своеобразным плацдармом, сценой,

на которой разыгрывается драма не только писательского мировосприятия, но и словесной жизни героев. Он оказывается словесным знаком, служащим средоточием этого «пространствавремени», поскольку выполняет не только традиционную функцию предиката (в сочетании с одним-двумя актантами), но, что главное, и функцию основы сущностного представления реальной или ирреальной ситуации, т.е. её «предикативной номинации». А подобная номинация может быть репрезентирована лишь в рамках категории «пространствавремени» как конституента единства «предикативной номинации». Если имя обладает способностью «называя предиктировать» (С. Булгаков), то глагол, особенно в ипостаси сказуемого, благодаря своей генетической (онтологической) сущности как слова, обозначающего действие-поступок, состояние-поступок и т.п., и силе своей динамичности, становится единственным средством полнокровной характеристики той степени напряженности – душевной, физической, фрагмента картины внеязыкового мира, которую достигает писатель в целях однозначного, адекватно-эквивалентного семиотического обозначения категориальных (определяющих) сцен общей картины того или иного явления.

Таким образом, слово, фраза в восприятии Достоевского предстают целостным механизмом, порождающим именно ту картину, в которую писатель погружает не только своих героев, но и самого себя: он хочет видеть как бы всё, что происходит на сцене, не с точки наблюдения режиссёра, а изнутри, становясь негласным и незримым участником драматизма напряжённой обстановки.

Такой же, в сущности, трактовки требует ставшая крылатой фраза «Красота спасёт мир» – слово в отмеченной выше концентрированной оправе «временипространства». В этой фразе Ф. Достоевский представил свои человеческие грёзы, своё пароксизмальное пространство и любовь к человечеству.

Эта идея красоты звучит в нескольких произведениях Ф. Достоевского, что свидетельствует о её фундаментальности для философии Достоевского, для его стремления в идеале, в добре «спасти мир». Недаром М. Волошин расценивает две формы этой фразы как абсолютные эквиваленты – «с этакой красотой можно мир перевернуть» (Аделаида из «Идиота») и «Всякий перед всеми и во всём виноват» (старец Зосима из «Братьев Карамазовых»).

Но самое точное и феноменологически безукоризненное «толкование» отмеченной идеи Ф. Достоевского, то есть сущности кра-

соты человека, И.Г. Гамидов находит в сонете И. Северянина, посвященном Ф. Достоевскому. Вот это описание картины, когда у всех руки, сложенные в крест на груди, у всех лица, «мукой опрокинутые», когда единственное и последнее живое среди всех – это Сострадание, вера во всеобщее искупление грехов. Полученное в этом Сострадании оправдание, то есть обожествление человека, является главной пророческой мыслью Достоевского, сказал в завершение своего выступления проф. Гамидов И.Г.

В программу Чтений в честь 150-летия создания романа «Идиот» был включен и мой доклад на тему «Подвиг юродства в романе “Идиот”». Достоевский впервые в русской литературе заговорил о человеке, осознавшем непреодолимость стремления к поиску своего места в жизни, свое онтологическое «Я» не вне среды других, а рядом с ними и вместе, под Богом, причастившегося к естеству духовному, божескому, вечному. Еще первый «бедный рыцарь» Достоевского Макар Девушкин заговорил о Богом уготованной каждому судьбе. Это не социальная предопределенность, не это главное, а то, о чем он может сказать: «сердцем и мыслями я человек». Так, уже в первом романе писателя ясно обнаруживается религиозная, христианская основа мировоззрения Достоевского, ставшая впоследствии духовной составляющей его романов, в том числе и романа «Идиот».

Как известно, описание униженного человека у Гоголя вылилось в страшное отрицание. Примирение разных сторон действительности России, которое он хотел осуществить во втором томе поэмы «Мертвые души», оказалось невозможным. Остался путь, которым дальше пройдет Достоевский. Это путь прямой проповеди, непосредственного, откровенного разговора с самой жизнью, это умение встать на метафизическую отдаленность, с которой, собственно, Достоевский и приближает человека к своей онтологической сущности. «Иные миры», откуда пришел Мышкин, и есть та сфера пребывания, о котором не ведает никто вокруг. Мир, общество, в которое пришел Мышкин с поучительным словом о воскресении, погрязло в грехах, в безверии. «Мысль имею поучать», – сказал он, появившись в обществе Епанчиных. Собственно, в этой фразе заключена основная цель, «персоналистичность» (К. Мочульский) замысла писателя, первичность желания реализовать концепцию праведника.

Это была трудная задача: показать характер Идиота, «поле действия выдумать» для него, чтобы выразить невыразимое, сделать

видимым то, что относится к области духовных устремлений человека. В конкретное время (ноябрь) и реальном месте (Петербург) должно было явиться «особое время» Мышкина как предупреждение о бесовских поступках, о наступлении сплошного безумия, самоуничтожения вокруг, где нет Христа, нет Бога. Как проекция отношения «бытия к небытию» можно оценить отношение Мышкина к епанчинскому обществу. Эту связь между верой в бессмертие и вечности добра при очевидности смерти и зла невозможно оправдать без присутствия Бога, без ощущения его как первопричины. Мышкин, конечно же, юродивый, и его трагедия – это трагедия мира, не преклоняющего сердце к благовому, не верующему Богу и святым Его. «Зачем в вас гордости нет?» – вот в этом вопросе и звучит призыв Аглаи к горделивому обособлению, в котором выражен принцип земной жизни, закон личности. А Мышкин – это человек из иного мира, из горнего, вышнего. Поучить людей преодолеть инерцию земного бытия у него не получилось, но мысль его по величию и силе духовного воздействия обнаружила свою инаковость. С каждым моментом удивления и недовольства окружающих этим «странным», «сумасшедшим» героем, с его «умным сердцем», «сердцем с умом», то есть отвержением его как бы родом своим, как это происходило и с Христом, увеличивается дистанция между этим миром и «особым временем» Мышкина. Юродское поведение рассчитано на предельное обострение в душе каждого человека коренных вероисповеданческих вопросов. И в этом свете судьба Мышкина приобретает и иное значение – всечеловеческое. Оно приближает его к любому человеку, независимо от его нации и конфессии, что, в общем-то, надо понимать как участие Христа в бытии каждого человека, других личностей.

Название доклада доц. кафедры истории русской литературы БСУ Тагиевой М. отчасти совпадало с названием форума. В ее докладе на тему «Творчество Ф.М. Достоевского в Азербайджане: исследования и переводы» была представлена история изучения, переводов творчества Ф.М. Достоевского в Азербайджане. Первые отзывы о писателе в литературной среде приходится к началу XX века. В 1909 году в газете «Təgəqqi» («Просвещение») Ф. Кёчарли, в 1915 году в газете «Açıq söz» («Открытое слово») М. Расулзаде, в 1926 году в газете «Yeni fikir» («Новая мысль») К. Нахчыванлы преподносят Достоевского как национального и мирового писателя, сравнивают его с Гёте и Сервантесом.

Первые статьи, посвященные жизни и деятельности Достоевского, в Азербайджане пишутся в 50-60-ые годы XX века. В 1956 году на страницах газет «Azərbaycan gənclər» («Молодежь Азербайджана»), «Şərq qarısı» («Двери востока»), «Ədəbiyyat» («Литература») публикуются статьи М. Рафили, М. Бекташи, Г. Мусаева. В отличие от первых скудных упоминаний о Достоевском начала века, информация о нем носит более детальный и аналитический характер, писатель оценивается как знаток русской реальности XIX века, как великий художник, мастерство которого считается равным мастерству Шекспира.

70-80-ые годы XX века следует назвать новым этапом в изучении и исследовании творчества Достоевского в Азербайджане, так как и наша республика присоединилась к общесоюзным мероприятиям, посвященным к 150-летию со дня рождения писателя. В 1970-1973-ые годы в самых престижных газетах и журналах один за другим публикуются десятки статей о жизни и деятельности Достоевского. Выдающиеся представители Азербайджанского литературоведения – М. Джафар, М. Ариф, Г. Шариф, В. Набиев, С. Мусаев, А. Алмамедов, Ш. Курбанов, А. Гусейнов, Д. Хикмет, М. Мамедов, Ю. Азимзаде – первые ученые, серьезно исследовавшие литературное наследие и биографию Достоевского. В их работах писатель предстает перед азербайджанским читателем как «знаток человеческой души», «великий мастер», «выдающийся гуманист», «современник» и т.д. Однако необходимо учитывать, что все эти статьи объединяет марксистская традиция понимания и истолкования литературы в целом, в том числе и творчества Достоевского.

В 1972 году Г. Шариф переводит книгу Л.П. Гроссмана «Ф.М. Достоевский» из серии «Жизнь замечательных людей», что свидетельствует об углублении интереса к критическому анализу творчества писателя. В 1975 году членкор АН Азербайджана М. Джафар вторую главу («Ф.М. Достоевский») третьего тома своего учебника «Русская литература XIX века» посвящает биографии и творчеству писателя. Однако, сохранив приверженность к тенденции оценки реализма Достоевского в рамках марксистского познания, советский ученый выдвигает на первый план не основополагающие нравственные, духовные, религиозные начала, а социальные проблемы, представляя писателя как революционного демократа, пропагандировавшего идеи социального равенства.

С 1986 года в Азербайджане пишутся кандидатские и докторские диссертации, непосредственно связанные с творчеством Достоевского. Исследовательские работы на русском языке, учитывая их тематические особенности, можно разделить на: 1) произведения, изучающие поэтику творчества Достоевского; 2) исследования, посвященные литературным связям; 3) работы, анализирующие проблемы психологии и языкознания на основе произведений Достоевского.

В постсоветский период азербайджанское достоевскоеведение приступает в новый период, когда заново печатаются произведения писателя латиницей, пишутся вступительные статьи к этим изданиям, в Азербайджанскую Национальную Энциклопедию включается статья о Достоевском, защищаются диссертации, в которых очевиден отказ от революционно-демократической мифологии в истолковании («Концепция характера в творчестве Ф.М. Достоевского (1846-1872)» – М.Г. Годжаев, 1990; «Идеи и характеры в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» – К.А. Умудова, 1994; «Функционирование собственных имен в языке произведений Достоевского» – Ф. Пашаева, 1998, «Проблема характера в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» – М.М. Тагиева, 2003; «Проблема гуманизма в творчестве Ф.М. Достоевского и Г. Джавида» – Г.А. Алиева, 2017, и др.).

Переводы произведений Достоевского на азербайджанский язык начали реализовываться с XX века. Первым переводом считается отрывок «Qartal» («Орел») из «Записок мертвого дома», переведенный М.А. Расулзаде в 1914 году. Вся динамика переводов произведений Достоевского связана со второй половиной XX века: «Униженные и оскорбленные» (1956), «Преступление и наказание» (1960) Б. Мусаева, «Белые ночи» (1962) Ю. Азимзаде, «Неточка Незванова» (1962) И. Ибрагимова, «Чужая жена и муж под кроватью» Дж. Джаханбахш, «Мужик Марей» (1971) С. Зейналова, «Кроткая» (1971) М. Миркишиева, «Скверный анекдот» (1971) Т. Алекперова, «Вечный муж» (1971) Г. Илькина, «Идиот» Г. Шарифа, «Игрок» (1985) Г. Илькина. Спустя двадцать лет, в постсоветский период, когда республика приобрела независимость, проблема переводов Достоевского заново приобрела актуальность. С именем проф. М.Г. Годжаева связано начало нового периода в истории переводов произведений Достоевского. С начала двухтысячных годов один за другим из печати выходят произведения Достоевского в переводе М.Г. Годжаева: отрывок из романа «Братья Карамазо-

вы» «Великий Инквизитор» (2003), «Бесы» (2008), «Записки из подполья», «Бобок», «Сон смешного человека» (2010), «Подросток» (2011), «Записки из мертвого дома» (2011), «Дневник писателя» (2014), «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Слабое сердце» (2016).

Роман «Братья Карамазовы» переведен дважды: в 2010 году (переводчик проф. БСУ Т. Велиханлы (Джафаров)) и в 2014 году (переводчик Н. Годжабеيلي). В периодической печати Азербайджана и России появляются первые статьи, посвященные азербайджанским переводам произведений Достоевского [Годжаев, 2010, с. 2; Умудова, 2011, с. 73-76; Умудова, 2015, с. 21].

Выступление Тагиевой М. было построено на большом фактическом материале, с точным определением хроники обращения азербайджанских ученых и литературоведов, переводчиков к творчеству Достоевского. Собранные факты и скрупулезное изучение истории появления и развития исследований и переводов Достоевского на азербайджанский язык позволили автору доклада выразить надежду на распространение и расширение интереса к литературному наследию Достоевского и в будущем в нашей республике.

Докторант кафедры истории русской литературы Г.А. Алиева выступила с докладом «Проблема гуманизма в творчестве Ф.М. Достоевского и Г. Джавида». В качестве основного тезиса докладчица выдвинула положение о созвучии принципов художественности у Гусейна Джавида (репрессированный азербайджанский драматург, основоположник жанра трагедии в прозе) и Достоевского, о семантической связи между антропологическими исканиями в их творчестве. Как отметила в начале своего выступления Г. Алиева, речь вовсе не идет о непосредственном влиянии Ф.М. Достоевского на творчество Г. Джавида, хотя великий азербайджанский драматург был близко знаком с творчеством русского классика и имел глубокие познания о его творчестве, идеях, эстетических и этических воззрениях. Об этом достаточно подробно можно узнать как из статей Г. Джавида [Cavid, 200, s. 233-236], так и из работ исследователей его творчества [Məmmədov, 1971, s. 3-4].

Один из факторов, сближающих этих двух великих писателей, заключается в том, что творчество обоих писателей соответствует переходному периоду в истории России и Азербайджана. Как вторая половина XIX века для России (отмена крепостного права и ряд последовавших за ней реформ), так и первая поло-

вина XX века для Азербайджана были переходными периодами (провозглашение Азербайджанской Демократической Республики, образование Азербайджанской ССР, вход в состав СССР). Переходные периоды знаменуются развитием личного сознания, усугублением социальных противоречий, нарастанием духовного кризиса в обществе, смешением представлений о добре и зле, свободе и счастье.

В творчестве обоих писателей одной из главных тенденций стал поиск высокого эстетического идеала и совершенного человека, интерес к ярким и сильным характерам, а также к экстремальным ситуациям, в которых раскрываются характеры героев.

Раскольников («Преступление и наказание») Ф.М. Достоевский наделяет ролью убийцы старухи-процентщицы и подробно описывает процесс психологической подготовки героя к убийству и душевное состояние героя после убийства. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в романах «Бесы», «Братья Карамазовы», где сложные характеры Ставрогина и Ивана Карамазова раскрываются соответственно через преступление над малолетней девочкой и через отцеубийство. Без этих тяжелых преступлений автор не смог бы раскрыть то человеческое, нравственное начало, которое было глубоко скрыто в душах этих персонажей.

Такие же экстремальные ситуации, в которые попадают герои, изображены и в произведениях Г. Джавида. Например, в его трагедии «Иблис» сложный и противоречивый характер главного героя Арифа раскрывается через убийство им жены и брата. Г. Джавид постепенно проникает в душу своего героя, показывает, как его ужасные преступления стали следствием не мистического воздействия на него Иблиса (Сатаны), а результатом тех душевно-нравственных отступлений героя от истины и гуманизма, от веры и добра, которые происходят в умонастроении молодого человека, оказавшегося в тяжелом душевном состоянии и сложных житейских условиях. Его сильный ум не в силах справиться в одиночку с вековыми проблемами, возникшими перед ним, а душа не приемлет Бога.

Г. Джавида и Ф.М. Достоевского сближает еще и то, что оба писателя обращались в своем творчестве к образам пророков. У Достоевского – это образ Иисуса Христа в романе «Братья Карамазовы», а у Джавида – это образ Пророка в пьесе «Пророк».

Важное место в творчестве и поэтике обоих писателей занимает категория прекрасного. В романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

и трагедии Г. Джавида «Афет» есть почти дословное совпадение слов о красоте, способной спасти мир (слова Аделаиды и Октая).

В разрешении проблемы человека, рассмотрении парадоксов и причин трагедии философствующего героя оба писателя обратились к образам парадоксалистов. Это образы Ивана Карамазова и Арифа. В обоих случаях глубоко гуманный, философски мыслящий о жизни и о бытии человек оказывается в трагической ситуации и терпит крах. Философия гуманизма Ивана Карамазова, исключая веру в Бога и не принимающая Божеского мира, приводит к отцеубийству, а эгоистическая любовь Арифа к Рене, забвение им своего долга перед людьми – к братоубийству. Следовательно, и в гуманизме Ивана, и в любви Арифа недоставало чего-то главного. Это главное – Божья истина, истина, единая для всех.

Самоотчужденность личности, оторванность от национальной культуры, веры, синдром «европействующей» интеллигенции и трагедия беспочвенности – эта тема также общая для творчества обоих писателей (Ставрогин, Версилов, Иван Карамазов и художник Джалал в трагедии «Пропась» Г. Джавида).

В докладе был затронут вопрос об особом месте в творчестве Ф.М. Достоевского и Г. Джавида темы и образа женщины и матери (образ Богородицы в романе «Братья Карамазовы» и образ Сельмы в пьесе «Мать», Соня Мармеладова, Софья, Даша Шатова у Достоевского и Хавер, Захра в пьесах Джавида). Сопоставительный анализ творчества двух писателей – Ф.М. Достоевского и Г. Джавида – выявил наличие многих точек соприкосновения между их взглядами на проблему человека и в целом на проблему гуманизма.

Глубоко проанализировав точки соприкосновения, проводя параллели на разных поэтических уровнях, докладчица отметила наличие коренных различий между концепциями человека у Ф.М. Достоевского и Г. Джавида.

При изображении образа идеального героя Ф.М. Достоевский исходил из православно-христианской концепции человека, из величия образа Христа и свой идеал искал среди нравственно совершенных людей, а Г. Джавид, наряду с нравственным совершенством человека, отдавал предпочтение герою, способному активно бороться за торжество истины и справедливости в пределах того мира, рамки которого человека хочет установить сам. Его Пророк готов бороться за справедливость и с оружием в руках. Если для героя Достоевского вера выше истины, то герой Джавида трагически ищет

возможности объединить эти два начала воедино и встать на позицию вечной борьбы и ожидания торжества справедливости вне веры и смирения.

Доклад на тему сравнительного исследования творчества двух великих писателей позволил слушателям заглянуть на совершенно новую, неисследованную до сих пор страницу в азербайджанском литературоведении, по-новому оценить творчество Джавида, которого до сих пор у нас незаслуженно продолжают называть революционным романтиком или неоромантиком, а также глубже ознакомить слушателей с идейно-художественными принципами, основополагающими сторонами художественного наследия Достоевского.

Выступление доц. Н.Г. Джабраилова «Мир Достоевского» был посвящен книге М.Г. Годжаева «Размышления вокруг Достоевского» («Dostoyevski ətrafında düşüncələr», Bakı, 2012). Как известно, д.ф. н., проф. М. Г. Годжаев переработал собственную научную монографию «Характеры и идеи Ф.М. Достоевского», изданную ранее, в 2007 году, сделал ее доступной читателям и исследователям в Азербайджане не только потому, что написал новую книгу, уже на азербайджанском языке. В определенном смысле он отчитался перед ними, обобщив весь свой опыт общения с текстом Достоевского, поделился своим опытом его прочтения и прочувствования. Докладчик оценил книгу как результат долголетних исследований ученого, проявление его способности интерпретировать и комментировать текст Достоевского на языке, доступном не только для специалиста-литературоведа, но и для более широкого круга читателей творчества Достоевского.

В основе книги лежит целостный взгляд на творческий путь Достоевского, стремление создать единую фундаментальную концепцию характерологии писателя. В чем причина жизненной убедительности характеров Достоевского? Что лежит в основе художественно-эстетической концепции человека у Достоевского? Прежде чем ответить на эти вопросы, М. Годжаев обращается к читателю с интригующим вопросом: «Можно ли любить Достоевского?».

У меня часто спрашивают, за что я люблю Достоевского? Я отвечаю им, что его невозможно любить. Тогда встает резонный вопрос: а что вас привязывает к нему? То есть какая эстетическая категория порождает интерес к Достоевскому? Адекватной любви категорией эстетики является красота... Но помимо красоты существует еще

одна категория, которую можно назвать величием... Она иногда сильнее ощущения красоты. Она и привязывает читателя навсегда к Достоевскому [Qosayev, 2012, с. 5-6].

Так Мамед Годжаев начинает рассказывать в своей книге историю своего открытия мира Достоевского, историю углубленного интереса к его слову, начинающуюся с известной книги Л. Гроссмана «Достоевский». «Размышления вокруг Достоевского» – это первое, так называемое, серьезное обращение ученого к азербайджанскому читателю на родном языке. Эта книга всем своим содержанием, стилем изложения материала обогащает читателя, формируя и направляя его способность проанализировать и рассуждать об идеях, героях Достоевского. Говоря о феномене Достоевского, автор монографии обращает внимание читателя на многоголосие художественного слова писателя, в котором слышна одна-единственная, главная составляющая его – духовная, христианская сущность, которая и позволяет не расплыться всем раздающимся голосам внутри «я» героя и вокруг него, сохранить многогранность и, одновременно, четкие границы фундаментального замысла писателя. Антропологизм Достоевского зиждется на диалогической внешне, но монологической внутренне форме поэтического выражения героя и автора в его романах, которых азербайджанский ученый называет «внешне отвлеченными, но внутренне бесконечно содержательными и значимыми» «голосами Истины». М. Годжаев строит свою книгу как живую встречу с писателем, выступает прекрасным знатоком основных моментов его личной и писательской биографии, оценивает роль и значение каждого романа в генеалогии творчества писателя.

Последним участником Чтений стала Исаева Фаргана, преподаватель колледжа Западного университета, докторант БСУ. В своем докладе «Достоевский о Пушкине» она говорила о влиянии идей и образов Пушкина на творчество Достоевского, об основных положениях его знаменитой речи в заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г.

Образ Пушкина сопровождал Достоевского всю его жизнь, начиная с раннего возраста. Имя Пушкина, так или иначе, упоминается почти во всех его произведениях («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Бесы» и т.д.). Достоевский утверждал, что русская литература его времени основана на пушкинских идеях. Для Достоевского Пушкин был превыше всех поэтов и писателей, поэ-

тому, когда однажды Толстой, выражая свой восторг «Записками из Мертвого дома» Достоевского, поставил его выше Пушкина, тот негодовал, утверждая, что Пушкин – идеал, и никто не может быть поставлен выше него.

Для раскрытия пророческого начала творчества Пушкина Достоевский обращается ко всей творческой деятельности поэта, выделяя в ней три периода, не имеющих, однако, четких хронологических границ. Именно Пушкин первый из всех русских поэтов и писателей определил основную болезнь русского общества, оторванного в своем развитии от народной жизни, притом, ставящего себя выше этого же самого народа. Он создал тип русского беспокойного, мятежного человека, не верящего ни в родную почву, ни в свой народ, ни в его силу, указав этим на основную болезнь русского общества. Писатель указывает на таких героев, как Печорин, Чичиков, Рудин, Лаврецкий, Болконский, которые стали преемниками скитальцев Алеко и Онегина, доказывая своим бытием правду мысли Пушкина. Тут Достоевский отмечает величие Пушкина, который указал не только на болезнь, зародившуюся после петровских реформ, но и на «лечение» данной болезни – на приятие народной правды. Достоевский дает высокую оценку «Цыганам» Пушкина, «Евгению Онегину».

Следующим пунктом в речи Достоевского является утверждение мысли о всемирной отзывчивости поэта. Достоевский считает, что только Пушкин мог перевоплощаться в гении других народов, с точностью изобразив особенности их культуры, воссоздав их национальный колорит. Подчеркивая цельность природы и всего творчества Пушкина, писатель касается третьего периода его творчества, в процессе которого и сформировалась всемирность таланта Пушкина. Называя таких великих представителей мировой литературы, как Шекспир, Сервантес, Шиллер, писатель подчеркивает, что только Пушкин мог с такой естественностью и полнотой воссоздать особенность характера и культуры других наций, как представитель данной нации. Пушкин является народным поэтом потому, что разделяет всемирную отзывчивость русского народа. Достоевский называет произведения Пушкина, в которых поэт изображает чужую ему среду и людей со всеми их особенностями, полностью перевоплощаясь в чужую нацию («Фауст», «Скупой рыцарь», «Жил на свете рыцарь бедный», «Дон-Жуан», «Пир во время чумы», «Подражание Корану», «Египетские ночи»). И в этом писатель видит на-

родность творчества Пушкина. В предвидении огромной духовной силы и великого назначения русского народа – стать спасителем европейских народов – видит Достоевский пророчество Пушкина.

Писатель подчеркивает насыщенность произведений Пушкина глубокой верой в народ, в его духовную красоту и внутреннюю силу. Еще одной особенностью творчества Пушкина является, по мнению писателя, тесное слияние его с народом, которого не было до Пушкина. Достоевский подчеркивает простоту Пушкина, с которой он подходит к народу, сливаясь с ним в единое целое. Писатель воспринимает творчество Пушкина как намек, указание для всех последующих после него художников, которые должны раскрыть данные им знаки, развить проложенный им путь. Именно благодаря Пушкину появилась вера в русский народ, в его силы, самостоятельность и великое будущее назначение русского народа во всем мире. Достоевский в своей речи дает оценку всему творчеству Пушкина, рассматривая весь богатый вклад великого поэта в развитие не только русской, но и мировой литературы.

Выступление Ф. Исаевой сопровождалось интерактивным показом различных картин и иллюстраций с изображением героев и сцен из произведений Пушкина, о которых Достоевский говорил в своей знаменитой речи в заседании Общества любителей российской словесности.

Все слушатели проявили большой интерес и внимание к работе форума, поблагодарили за организацию и доклады. После ее окончания наметилась программа дальнейших мероприятий совместно с РИКЦ в Баку и очередных осенних Чтений в Бакинском славянском университете, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского.

Список литературы

- Годжаев, 2010 – *М. Годжаев*. Достоевский на азербайджанском // Литературная газета. 2010. 9-15 июня (№ 23). С. 2.
- Умудова, 2011 – *Умудова К.* По следам одного перевода... («Братья Карамазовы») // Мутарджим. 2011. № 1. С. 73-76.
- Умудова, 2015 – *Умудова К.* Перевод, приближающий Достоевского к читателю. Роман «Подросток» в переводе М. Годжаева // Каспий. 2015. Зоктябрь. С. 21.
- Шпенглер, 2010 – *Шпенглер О.* Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание: в 1 т. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1085 с.

- Cavid, 2005 – *Cavid Hüseyn*. Mühəribə və ədəbiyyat // Əsərləri 5 ciddə. V c. Bakı: Lider, 2005. S. 233-238.
- Məmmədov, 1971 – *Məmmədov M.Ə.* Cavid onu sevirdi // Azərbaycan. 1971. №11. S. 3-4.
- Qocayev, 2012 – *Qocayev M.* Dostoyevski ətrafında düşüncələr. Bakı: Elm və təhsil, 2012. 208 s.

References

- Godzhaev M. Dostoevskii na azerbaidzhanskom [Dostoevsky in Azerbaijan Language]. *Literaturnaia gazeta*, 2010, June 9-15 No 23), p. 2. (In Russ.)
- Umudova K. Po sledam odnogo perevoda... ("Brat'ia Karamazovy") [In the Wake of a Certain Translation. *The Brothers Karamazov*]. *Mutardzhim*, 2011, No 1. pp. 73-76. (In Azerbaijan)
- Umudova K. Perevod, priblizhaiushchii Dostoevskogo k chitateliu. Roman "Podrostok" v perevode M. Godzhaeva [A Translation Bringing Dostoevsky Closer to His Readers. *The Adolescent* in M. Godzhaev's Translation]. *Kaspii*, 2015, Oct 3, p. 21. (In Azerbaijan)
- Shpengler O. *Zakat Zapadnogo mira; Ocherki morfologii mirovoi istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [The Decline of the West' Essays on Morphology of the World History. Complete Works in One Volume]. Moscow, Izdatel'stvo ALFA-KNIGA Publ., 2010. 1085 p. (In Russ.)
- Cavid Hüseyn. *Mühəribə və ədəbiyyat*. Əsərləri 5 ciddə. V c. Bakı, Lider Publ., 2005. S. 233-238. (In Azerbaijan)
- Məmmədov M.Ə. Cavid onu sevirdi. *Azərbaycan*, 1971, No 11, s. 3-4. (In Azerbaijan)
- Qocayev M. *Dostoyevski ətrafında düşüncələr*. Bakı, Elm və təhsil Publ., 2012. 208 s. (In Azerbaijan)

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Филологический журнал

2019 № 2

Основан в 2018 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72614
от 04.04.2018
ISSN 2619-0311

Адрес редакции:
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской Академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
e-mail:dostmirkult@yandex.ru

Компьютерная верстка: Н.Э. Чайковская
Дизайн обложки: Д.В. Тихомолова

Подписано в печать 27.05.2019
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 18,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №

